

Литература

1. Инструкция о порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры : приказ Минкультуры СССР от 13 мая 1986 года № 203 (в ред. от 25 марта 1994 года) // Доступ из справочной правовой системы «Консультант плюс».

2. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 26. Ст. 2519; 2013. № 30 (часть 1). Ст. 4078.

3. Об охране и использовании памятников истории и культуры на территории Краснодарского края: Закон Краснодарского края от 1 апреля 1997 года № 75-КЗ // Доступ из справочной правовой системы «Гарант». Утратил силу.

4. Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе: Постановление Правительства РФ от 15 июля 2009 года № 569 (в ред. от 4 сентября 2012 г. № 880) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 30. Ст. 3812; 2012. № 37. Ст. 5000.

5. Об утверждении Положения о порядке аттестации экспертов по проведению государственной историко-культурной экспертизы: приказ Министерства культуры РФ от 26 авг. 2010 года № 563 (в ред. от 17 окт. 2011 г. № 1003) // Российская газета. 2010. № 246; Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 49.

6. Вопросы Министерства культуры Российской Федерации : Указ Президента РФ от 8 февраля 2011 г. № 155 // Российская газета. 2011. № 32.

7. О Министерстве культуры Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 20

июля 2011 г. № 590 (в ред. от 2 ноября 2013 г. № 988) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 31. Ст. 4758; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. - № 45. Ст. 5822.

8. Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации. URL: <http://www.mkrf.ru>

9. Там же.

10. Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научно отчетной документации: постановление Отделения историко-филологических наук РАН РФ от 30 янв. 2013 года № 17 // Размещено на официальном сайте Института археологии РАН РФ. URL: <http://www.archaeolog.ru>

11. Об утверждении Положения о порядке выдачи разрешений (открытых листов) на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия: Приказ Росохранкультуры от 3 февраля 2009 г. № 15 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 23.

12. О порядке владения, пользования, распоряжения и управления историко-культурным наследием Краснодарского края: постановление главы администрации Краснодарского края от 5 июля 1994 г. № 373 (в ред. от 6 марта 1998 г. № 105) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

13. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 года № 96 (в ред. от 27 марта 2013 г. № 274) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 10. Ст. 1084; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 13. Ст. 1575.

14. Берлизов М. П. Охранное обязательство на объект культурного наследия: проблемы теории // Право и образование. 2013. № 9. С. 70–77.

G. G. DAVYDENKO, M. P. BERLIZOV. HISTORY OF DEVELOPMENT AND MODERN STATE INSTITUTE OF HISTORICAL-CULTURAL EXPERTISE IN RUSSIA

In the scientific article authors short digression to history of emergence of procedure of historical and cultural examination in the legislation of Russia becomes, and existing procedure of its carrying out is shined. The developed problems concerning not only the most historical and cultural examination (objects of examination, procedure and so forth), but also procedures of preparation and certification of shots for its carrying out are thus studied.

Key words: historical and cultural examination, object of a cultural heritage, act of historical and cultural examination.

А. ДЖ. МАГОМЕДОВ

ТРАДИЦИОННЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ ДАГЕСТАНА В СОВРЕМЕННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматривается развитие народных художественных промыслов Дагестана в контексте сложившейся экономической ситуации и роль реформ перестроечного и постсоветского периода в возрождении забытых и формировании новых традиций ювелирного дела.

Ключевые слова: художественные промыслы Дагестана, ювелирное дело, социальные преобразования постсоветского периода.

Народная ремесленная традиция является важной частью историко-культурного наследия. Она

сохраняет свою значимость и для промышленного производства, сферы услуг, досуга, образования,

вопреки переходу к «рычажным» (фабрично-заводским) и «кнопочным» (компьютерным) технологиям.

Зачатки рыночных отношений, главным образом в сфере малого, «народного» бизнеса, давали о себе знать еще до установления в России новой экономической системы (начало 90-х годов). Кооперативы и индивидуальные мастера Дагестана, занимавшиеся ювелирным делом, практиковали челночные поездки для реализации товара в различных областях России, Прибалтики, Украины, Азербайджана и других стран, а также вывоз украшений в Турцию и Саудовскую Аравию (во время Хаджа) [1].

В 1990-е годы государственные инспекции пробирного надзора за производством изделий из драгметаллов получили право клеймить продукцию частных предпринимателей. Многие мастера-ювелиры воспользовались этим, чтобы зарегистрировать свое дело в Прикаспийской госинспекции (создана в г. Махачкале в 1986 г.) [2]. Юридическая база экономики трансформировалась: если федеральный закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности» запрещал наемный труд, то Гражданский кодекс РФ, принятый в 1994 году, допускал его применение.

Благоприятно повлияло на возрождение ювелирных промыслов и ремесел развитие торговой сферы: в Махачкале число специализированных магазинов достигло, по приблизительным оценкам, 30–40 (в середине 1980-х их было всего два).

Изделия дагестанских мастеров привлекают внимание яркостью, разнообразием декоративных техник, широким ассортиментом при сравнительно невысоких ценах. На сегодняшний день ювелирное ремесло республики можно считать явлением всероссийского масштаба, а селение Кубачи – своеобразным монополистом в производстве посуды и различных сувениров из серебра [3]. Конкуренцию ему составляет только завод в Великом Устюге.

Такой подъем во многом связан с изменением социально-политической ситуации. После распада СССР тысячи дагестанских ювелиров вместе с семьями вернулись на родину, обеспечив приток капиталов и распространение разных технологий обработки золота (гравировка, точное литье, штампы и др.). Благодаря предпринимательской инициативе мастеров сформировались новые промыслы по изготовлению металлических предметов обихода (с. Балхар, с. Сулевкент); появились виды дизайна с использованием поделочных и драгоценных камней, а также популярные женские украшения, созданные в западном стиле: комплекты (серьги и кольцо), браслеты «звездочка», «тарелка», «елочка», «вирсаче» и др.

Перечислим ряд современных направлений ювелирного искусства.

В конце 1990-х годов, когда Россия оправилась от дефолта 1998 года, в Дагестане (с. Кубачи, с. Гочатль) интенсивно развивалось производство «винных», «водочных», «коньячных» наборов («сервизов»), дорожных фляжек-сувениров, письменных приборов, разнообразных украшений из золота (цепи «крученка», «бисмарк», «орешки», «губденская цепь», серьги «бананы» и др.). Из серебра делали охотничьи

фляжки, стопки, рюмки, фужеры, креманки, чайные наборы, настольные лампы, самовары, пивные кружки и др. [4]. Многие предметы оформлялись как аналог промышленных образцов, реализуемых в торговой сети; столовые приборы (ложки, вилки, ножи) украшались чернью, штампованным и литым узором.

Сохранилось и традиционное для Дагестана изготовление парадного («подарочного») оружия из серебра с гравировкой, чернью, перегородчатой эмалью, объемной филигранью, ажурными вставками из слоновой кости, вставками из самоцветов. Внедрялись «бесчерневые» виды гравировки, «московские» узоры с чертами монументального стиля. Нетрадиционным направлением в ювелирном деле стало изготовление оружия, оправленного в золото и отделанного кубачинским узором и вставками слоновой кости и бриллиантов. Интерес представляли опыты по возрождению различных традиционных технологий: насечка золотом по стали и слоновой кости, ажурная пропиленная резьба по слоновой кости, плетение кольчуг и др.

Художественные промыслы стали активно ориентироваться и на создание единичных «подарочных» вещей. Их закупали по случаю юбилеев, других памятных дат. Часто такие изделия выделяются случайными формами, неоправданной усложненностью декоративного убранства, нередко – наивностью изобразительных решений [5]. В дагестанских ювелирных украшениях эти черты прослеживаются еще с конца XIX века. В 1990–2000-е годы произошел всплеск увлечения дагестанских ювелиров инокультурной традицией, в частности турецкой или итальянской, характеризующейся точным литьем, использованием драгоценных и поделочных камней, отдельных форм изделий (браслеты «вирсаче» и др.). Популярными становятся восточные стилизации: золотые украшения из «шариков», прорезные браслеты и др.

Надо отметить, что вступление России в мировое культурное пространство имело и негативные последствия. Дагестанские художественные промыслы испытывают влияние мировых экономических кризисов – повышение цен на драгоценные металлы (на 30–50%) и др. В итоге идет спад спроса на ювелирные украшения [6]. Резко обозначилась растущая конкуренция со стороны ювелирных производств столичных центров и промыслов России, а также Турции, стран Европы, Юго-Восточной Азии, Китая.

Литература и примечания

1. Автор, уроженец с. Кубачи, работал ювелиром; представленные в статье сведения – часть материалов его полевых исследований, собранных в 1990–2010-е гг.
2. Магомедов А. Дж., Исрапилов К. М. Ювелирное дело Дагестана и пробирный надзор. Махачкала, 1999.
3. Кубачи: история и искусство: альбом / сост. С. А. Ниналов, С. И. Исрапилов. Махачкала, 2003; Изделия из серебра и золота: каталог НПО «Алеф» /

сост. С. А. Ниналов. Махачкала, 1997; Брюзгина О. И. Ювелирное искусство Кубачи. М., 2006. С. 11.

4. Магомедов А. Дж. Художественные промыслы Дагестана в XX в.: политика власти и реалии практики. Махачкала, 2003.

5. Народные мастера Дагестана в честь юбилея Москвы // Новое дело. 1997. № 37 (12 сент.).

6. Автор признателен за консультацию по данному вопросу начальнику Прикаспийской госинспекции пробирного надзора, к. э. н. С. Г. Багомедову.

A. DJ. MAGOMEDOV. TRADITIONAL JEWELLERY ART CRAFTS OF DAGESTAN IN NEW CONDITIONS

In article is considered the development of traditional art crafts of Dagestan in the context of the current economic situation, a role of reforms of reorganization (perestroika) and post-Soviet time in revival forgotten, development of new traditions of jewelry crafts.

Key words: art crafts of Dagestan, jewelry crafts, post-Soviet transformations.

К. М. МАРТИРОСЯН

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО СИМВОЛИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В КУЛЬТУРНЫХ ИНДУСТРИЯХ

В статье характеризуются культурные индустрии, возникшие в процессе развития массового индустриального общества и превратившиеся в значимый сектор современной культурной экономики. Особое внимание уделено символическому капиталу и его роли в современном обществе.

Ключевые слова: культурные индустрии, социально-культурное производство, символический капитал.

Современное социально-культурное производство является продуктом производственных усилий компаний или частных лиц в рамках социально-культурной деятельности и может помимо упоминавшихся и перечисленных креативных индустрий охватывать социально-культурную анимацию.

Смысл современного социально-культурного производства состоит в принятии современных креативных индустрий как явления современной культуры, в котором миссия фирмы, философия производства, структура производственных и организационных процессов и сервисного обслуживания целевых аудиторий означаются и символизируются с помощью вербальных и невербальных средств социальной коммуникации. Происходит символизация и эстетизация продукции, создаваемой в сфере культурных индустрий. Одновременно возрастает роль коммуникативных посредников между производителями продукции в культурных индустриях, ее реализаторами и конечными потребителями. Охватив достаточно широкие слои массового потребителя, которые продолжают восприниматься частью исследователей как хаотическая масса, однако новые производственные и информационные технологии «очеловечили» эту стандартизированную массу [1].

В основе современных культурных индустрий лежит убеждение, что если спроектировать модели поведения людей в той или иной ситуации ихинтеракции в спроектированной ситуации, то это позволяет удовлетворить самые разнообразные потребности людей – от комфортного контекста современных социальных практик до полноценной рекреации [2].

Можно согласиться с предположениями Х. Лебстайна и А. Б. Долгина о том, что социально-культурное производство в культурных индустриях основано на производстве знаков и различий, то есть, по существу, символического капитала [3]. При этом если функциональные свойства ядерной услуги товара или услуги, сопровождаемой и дополняемой имеющими функциональные свойства атрибутами, имеют интегрирующие свойства, то эмоционально-символические составляющие, напротив, обладают дифференцирующими свойствами и эффектами.

Поэтому в отличие от убывания полезности рационально-функциональных свойств капитализация эмоционально-символических может с течением времени возрастать или снижаться в зависимости от социально-культурного контекста [4]. В этой связи А. Б. Долгин предлагает выделять «ценности для себя» и ценности, опосредованные социально-культурной средой, которые реализуют свой символический потенциал через отношение окружающих, то есть посредством социальной коммуникации и социально-культурного контекста.

По мнению А. Б. Долгина, символический капитал «можно определить строго – по способности генерировать качественное время», что, в конечном итоге, коррелирует с понятием «качества жизни» [5]. Однако такое соотнесение представляется не полным. В этом случае вне поля зрения остаются такие качества символического капитала как его взаимосвязь с количеством информации. А символический капитал, между тем, непосредственно связан с количеством ретранслируемой информации в каналах социальной